

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A.I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2016

вып. XXVII

УДК 92

**ЗНАМЕНИТЫЙ ЭНТОМОЛОГ ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ
ГУССАКОВСКИЙ (1904–1948) НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

**FAMOUS ENTOMOLOGIST VSEVOLOD VLADIMIROVICH
GUSSAKOVSKIJ (1904-1948) IN THE RUSSIAN FAR EAST**

В.А. Тряпицын¹, А.С. Лелей²

¹Русское энтомологическое общество, Москва, 129344 (улица летчика
Бабушкина, 7, До востребования)

²Биолого-почвенный институт ДВО РАН, Владивосток
E-mail: lelej@biosoil.ru

Призванием В. В. Гуссаковского было изучение перепончатокрылых насекомых; этому делу была целиком посвящена его короткая нелегкая жизнь. В силу ряда причин ему несколько раз пришлось менять место службы, и его работа проходила чаще всего вне стен центральных зоологических учреждений, однако, несмотря на неизлечимую болезнь и сложное сплетение жизненных обстоятельств, он сумел сохранить верность избранной им еще в молодости специальности и оставить заметный след в исследовании перепончатокрылых насекомых. Дан полный список описанных им таксонов и видов, названных его именем.

Всеволод Владимирович Гуссаковский родился в октябре 1904 г. (1906 по О.Н. Гуссаковской) в Царском Селе (ныне Пушкин Ленинградской области) в семье дворянина. Его отец Владимир Леонидович был кадровым офицером, прошел две войны: русско-китайскую и русско-японскую. Имел чин артиллерийского капитана и два Георгия за храбрость. Третьего он получил в первую империалистическую войну. В гражданской войне участия не принимал. В семье Владимира Леонидовича и Марии Александровны было трое детей: старший Александр (1900 г. рожд.), Валентина (1904 г. рожд.) и младший Всеволод (1906 г. рожд.). О жизни того времени и ранних годах В.В. Гуссаковского хорошо написала его племянница Ольга Николаевна Гуссаковская (1997).

Старший брат Александр, прекрасно учился, много читал и сбегал в революцию. Сошелся с молодежным революционным кружком и кончил тем, что в 1919 г., того же возраста юношей, погиб, защищая Петроград от Юденича. Геройская гибель революционера Александра, безусловно, спасла жизнь его отцу.

Революционные превратности судьбы дали образование и путь в науку только мальчику: за него долго и упорно боролся энтомолог Иван Михайлович Рубинский, чьи коллекции до сих пор хранятся в Ипатьевском монастыре. Ранние годы В.В. Гуссаковского прошли в Костроме, где он окончил школу II ступени в 1922 г. и поступил в Землеустроительный и лесной институт (реорганизованный в 1923 г. в техникум). Лесной факультет этого техникума он окончил в 1924 г.

В. В. Гуссаковский проявил себя как эрудированный систематик насекомых очень рано: когда ему было всего 22 года, появились в печати его статьи с описанием новых для науки видов дорожных ос и список жуков окрестностей Костромы (Гуссаковский, 1926а, б). Признанием заслуг В. В. Гуссаковского было приглашение написать раздел об Aculeata для учебника Николая Александровича Холодковского "Курс энтомологии, теоретической и прикладной" (Гуссаковский, 1931). В течение всей короткой научной жизни он более всего любил ос, но, несмотря на это, создал два тома "Фауны СССР" посвященные рогохвостам и пилильщикам (Гуссаковский, 1935, 1947). Не чужд он был и практическим проблемам, приняв участие в книге о вредителях богарных культур в Средней Азии (Родд и др., 1933), где описал новые виды эвритомид *Bruchohagus roddi* Gussakovskij – опасного вредителя семян люцерны – и *Systole coriandri* Gussakovskij – не менее серьезного вредителя семян кориандра. Из хальцид его увлекли также эвхаритиды (Eucharitidae) – паразиты муравьев (Гуссаковский, 1940).

В отношении научной обработки энтомологических материалов к В. В. Гуссаковскому обращались известные зарубежные путешественники-натуралисты: Рене Малез (René Malaise) по сборам из Уссурийского края и с Камчатки и Свен Гедин (Sven Hedin) по сборам из Центральной Азии и Китая.

Ученая степень кандидата биологических наук была присвоена В. В. Гуссаковскому в 1936 г. без защиты диссертации. Весьма широкая сфера научных интересов В.В. Гуссаковского явствует из списка его трудов (Нарзикулов и др., 1970).

О В. В. Гуссаковском нет сведений в словарях-справочниках энтомолога (Щеголев, ред, 1955, 1958), кроме ссылки на два тома "Фауны СССР", посвященных пилильщикам. Только через 20 лет после кончины В. В. Гуссаковского появились два очерка о его жизни (Нарзикулов, 1969; Нарзикулов и др., 1970). Халифман (1978) в своей прекрасной и обстоятельной книге об осах В. В. Гуссаковского даже не упомянул. Более ранний краткий, но весьма лестный, отзыв о В. В. Гуссаковском, как энтомологе и незаурядном поэте, дал академик Евгений Никанорович Павловский в своей замечательной книге "Поэзия, наука, ученые" (1958). Ряд стихотворений Гуссаковского был опубликован Патруновым (1983) в таджикском журнале "Памир".

О причине гибели В.В. Гуссаковского на Дальнем Востоке долгое время ничего не было известно. Его близкий друг Евгений Михайлович Степанов (директор Грузинской лаборатории по биологическому методу борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур) сказал В.А. Тряпицыну в 1951 г. в Батуми, что В. В. Гуссаковский якобы упал во время приступа эпилепсии в Хабаровске на железнодорожном вокзале, ударился головой о рельс и умер.

Зоологический институт АН СССР (г. Ленинград, 1939 г.). Нижний ряд (слева направо) Николай Абрамович Теленга, Вера Павловна Рудольф, Андрей Петрович Семенов Тянь-Шанский, Мария Николаевна Никольская; верхний ряд (слева направо) Константин Владимирович Арнольди, Сергей Иванович Медведев, Всеволод Владимирович Гуссаковский, Владимир Вениаминович Попов. Публикуется впервые из архива отделения перепончатокрылых Зоологического института РАН.

Летом 1961 г. В. А. Тряпицын часто беседовал во Владивостоке с териологом Гордеем Федоровичем Бромлеем – свидетелем жизни и смерти В. В. Гуссаковского в Приморском крае. В 1966 г. Г. Ф. Бромлей прислал В. А. Тряпицыну из Новосибирска письмо о В. В. Гуссаковском настолько интересное, что оно приводится ниже почти полностью. Кое-какие сведения о В. В. Гуссаковском приведены в книжке о Е.М. Степанове (Тряпицын, 2010). Важную информацию о В. В. Гуссаковском была получена от энтомолога Константина Яковлевича Грунина и литературоведа Клары Фарраховны Бикбулатовой.

В приложении к настоящему очерку приводятся самые интересные и значительные стихотворения В. В. Гуссаковского, большей частью неопубликованные, и дан полный список описанных им таксонов и видов, названных его именем.

О причинах отъезда В. В. Гуссаковского на Дальний Восток

В. В. Гуссаковский никогда не был сотрудником Зоологического института АН СССР, но после выезда на работу в Таджикистан приезжал для работы в Ленинград, в этот прославленный Институт, на договорных началах. С 1934 по 1946 год включительно В. В. Гуссаковский был сотрудником Института зоологии и паразитологии Академии наук Таджикской ССР в Сталинабаде (ныне Душанбе) (до начала 1941 г. – Таджикская база АН СССР). В конце 1946 г. В. В. Гуссаковский уехал в Ленинград в отпуск и 27 января 1947 г. уволился из института в Сталинабаде. В Ленинграде он, энтомолог с мировой известностью, оказался без жилья и почти без денег и, естественно, надеялся, что его возьмут в штат Зоологического института, где хранились огромные сборы насекомых, но этого не случилось, причины чего, отчасти освещены ранее (Тряпицын, 2010)¹. Профессор Александр Александрович Штакельберг, обеспокоенный судьбой Гуссаковского, устроил его "угловым жильцом"² к уборщице Зоологического института Манефе Егоровне Денисовой, бездетной вдове, проживавшей в однокомнатной отдельной квартире в здании института (вход со двора). Однако ленинградской прописки у В. В. Гуссаковского не было, а без нее невозможно было получить продовольственные карточки, даже на хлеб. Кроме того, такому человеку могла грозить высылка из города "на 101-й километр". Единственным спасением от голода и других неприятностей было оформление брака с М. Е. Денисовой, на что Гуссаковский вынужден был пойти. Уборщицы Зоологического института стали называть М. Е. Денисову "госпожой Гуссаковской", а Е.М. Степанов сказал мне, что ее "муж" появлялся с того времени в Институте в ярких галстуках, но что жена его "спаивала". Эту версию ВАТ в 1969 г. проверил, побеседовав с несколькими уборщицами Зоологического института, хорошо знавшими Манефу Егоровну. Все они в один голос утверждали, что пьяницей она не была, разве что на праздник выпьет рюмочку, а о "профессоре" Гуссаковском заботилась как мать. "Вы же знаете, какой он был, а она обстирывала его, чинила одежду, покупала белье, кормила его, купила

¹ Чтобы понять ситуацию, достаточно привести эпиграмму В.В. Гуссаковского на тогдашнего директора Зоологического института Академии наук СССР академика С.А. Зернова, выполненную как описание нового для науки подвида осла, прочитанную на заседании Ученого совета института в присутствии С.А. Зернова: "Equus azinus zernoviformis ssp. n. / Subspecies typica ovo ab ovo similis / Habitat: inter Mosquae et Petropolitanem / Femmina nondum nota / Specimen solum et, Dei gloriam, unicum / ... etc ..." (Цит. по: Тряпицын, 2010).

² Таким был и В. А. Тряпицын в Ленинграде в 1956 г. "Угловому жильцу" приходилось жить в одной комнате с хозяйкой. Он имел право на кровать и часть обеденного стола.

ему костюм. "Пьяница? Нет! Она была приличная женщина. Поехала же она с ним на Дальний Восток!" В. А. Тряпицын видел Манефу Егоровну в 1956 г. около кабинета Владимира Вениаминовича Попова, члена-корреспондента АН СССР, заведовавшего тогда отделом наземных беспозвоночных Зоологического института. Это была уже безобразная старуха с хриплым голосом. Она не раз приходила к В. В. Попову с требованием денег за воображаемые ею неопубликованные научные труды ее "мужа", коего называла "профессором". В. В. Попов говорить с ней отказался и сказал В. А. Тряпицыну с некоторым оттенком сарказма: "Каждый заведующий имеет **свою** вдову". Никаких рукописей В. В. Гуссаковского в архиве Зоологического института В. А. Тряпицын не обнаружил, как и в архиве Ленинградского отделения Академии Наук.

В начале 2000 г. В. А. Тряпицын неожиданно встретил в Санкт-Петербурге приятельницу молодых лет красавицу Клару Фарраховну Бикбулатову, доцента литературоведа. Она рассказала В. А. Тряпицыну о том, что в 1947 году, когда она, школьница, возвращалась вместе с матерью в Ленинград из эвакуации, то их квартира была уже кем-то занята, и их, вместе с тетушкой и ее маленькой дочкой Тamarой Марцинюк, подселили в квартиру М. Е. Денисовой. От В. В. Гуссаковского и его "жены" их отделяла только матерчатая перегородка. "Мы его очень боялись" – сказала Клара Фарраховна – "так он был мрачен; мы для него не существовали, хотя были девочки воспитанные и с ним здоровались".

По словам известного диптеролога Константина Яковлевича Грунина, человека очень доброго и симпатизировавшего В. В. Гуссаковскому, последний был глубоко возмущен тем, что, несмотря на все научные достижения, его не взяли в штат Зоологического института, куда он подавал заявление дважды. К. Я. Грунин сказал ВАТ, что В. В. Гуссаковский написал об этом факте Клементу Ефремовичу Ворошилову, бывшему тогда заместителем Председателя Совета Министров СССР (вероятно, в действительности речь шла о письме в Академию Наук СССР). В архиве академика Владимира Леонтьевича Комарова [вице-президент (1930), президент (1936-1945) Академии Наук СССР] имеется письмо В.В. Гуссаковского, энтомолога Таджикской базы АН СССР (датированное не ранее 1932 г., вероятно 1935 г.) (http://www.ras.ru/lvkomarovarchive/4_actview.aspx?id=1105)³. Президиум Академии наук на жалобу В. В. Гусса-

³Интересна с нашей точки зрения самооценка работы В.В. Гуссаковского, приведенная в этом письме. "О себе лично писать не буду. Правда, ЗИН таки устроил со мной красивый номер. Специалист я по жалящим перепончатокрылым; но зная, что я все же неплохо разбираюсь и в других группах отряда, ЗИН предложил мне в 1932 г. обработку другого подотряда – пилильщиков, как группы большого прикладного значения, сперва в виде определителя, на средства, отпущенные НКЗ [Наркомземом], потом для "Фауны СССР", один том которой я и выпустил. Второй, включающий м.[жду] пр.[очим] столь важную в хозяйстве группу как сосновые пилильщики (Dirionidae), специально дополненный по вопросам биологии и значения в лесном хозяйстве М. Н. Римским-Корсаковым, и уже прошедший техническую редакцию, лежит в редакции. Написана была еще и половина третьего ... только вот недавно я узнал, что тема эта в плане не фигурирует, хотя там и кое-что новое вставлено. Зачем же, спрашивается, поднимал я по поручению ЗИН'а, обработку целого подотряда, которым не занимался ранее?! Но дело, конечно, не во мне и не о себе я забочусь, а об общем положении нашей зоологии и в частности энтомологии ...".

ковского отреагировал и направил в Зоологический институт комиссию. К.Я. Грунин сказал ВАТ, что директор Института Е. Н. Павловский (академик, генерал-лейтенант медицинской службы, директор института в 1942–1962 гг.) "сумел доказать комиссии, что В. В. Гуссаковский – не систематик, а фаунист, и поэтому в Зоологическом институте ему не место". Безусловно, это не было правдой. Войцех Пулавский (Wojciech Pulawski), известный специалист по роющим осам, ныне живущий и работающий в Сан-Франциско, писал В. А. Тряпицыну дважды, что В. В. Гуссаковский был замечательным систематиком. В начале 1960-х Е. Н. Павловский, узнав, что В. А. Тряпицын занят описанием жизни и творчества В. В. Гуссаковского, пригласил В. А. Тряпицына к себе в кабинет и сказал буквально следующее: "Я всегда старался выручать Гуссаковского и иногда это мне удавалось. Но с ним было очень трудно. Острый был человек, как перец! А времена были опасные ... У меня иного выхода не было".

Вероятно, что В. В. Гуссаковскому предложили возвратиться в Таджикистан, но он сам избрал местом своей работы Дальний Восток. О его "ссылке" не может быть и речи, поскольку он, как безработный, не подлежал юрисдикции Академии Наук.

В. В. Гуссаковский на берегу Японского моря

В июне или в начале июля 1948 года В.В. Гуссаковский и Манефа Егоровна прибыли в Судзухинский (ныне Лазовский) заповедник Приморского края, управление которого находилось тогда в бухте Тачингоуз (ныне Проселочная). Заместителем директора по научной части был Г. Ф. Бромлей (1906–1982), человек замечательный, добрый и наблюдательный, териолог, специалист по медведям. В. В. Гуссаковский был зачислен в штат заповедника научным сотрудником. Письмо Г. Ф. Бромлея о последних месяцах жизни В. В. Гуссаковского приводится здесь почти полностью.

"... Сообщаю Вам все, что знаю о Всеволоде Владимировиче [Гуссаковском], быстро и печально скончавшегося на Дальнем Востоке. Из разговоров с ним я понял, что он в ЗИН [Зоологический институт] прибыл после длительной работы в Средней Азии. Не имея в Ленинграде квартиры, он часто ночевал в ЗИНе, скитался по знакомым, и наконец его пристроила в свою квартиру уборщица ЗИН - некая Марфа (или Мария) Григорьевна [правильно Манефа Егоровна]. Так или иначе, всех энтомологов ЗИН он знал превосходно и боготворил музей как высшее научное учреждение с серьезным тематическим профилем.

О том, что Всеволод Владимирович должен был приехать на Дальний Восток, мне стало известно за 3-4 [месяца]. Об этом сообщил В. Н. Степанов [специалист по златкам, Москва], который при Главном Управлении по заповедникам работал инспектором. Я в те годы выполнял роль зав[едующего] наукой Судзухинского заповедника на берегу бухты Тачингоу Японского моря (43° с.ш.).

Наш директор Остроградский в 1948 г. (июнь или июль) выезжал во Владивосток, где он должен был встретиться с Гуссаковским и Марфой Григорьевной. При знакомстве Гуссаковский, подавая руку, сказал: "Гуссаковский Всеволод Владимирович. Ставлю Вас в известность, что страдаю частыми припадками эпилепсии, не тяжелыми. Прошу не пугаться". Это же он проделал с сотрудницей зоологом и начальником охраны заповедника. В.В. проводили в подготовленные ему апартаменты (в 300 м от берега моря). Он попросил сделать так, чтобы у него была отдельная комната, поскольку они были с Марфой Григорьевной в юридическом браке, но не в фактическом. Просьба его была удовлетворена, и ему выделили три комнаты с кухней.

Внешне, когда он сошел с катера, это был ниже среднего [роста] человек в возрасте 48-50 лет, в дешевом черном клетчатом дождевике, в серой кепке, в ботинках. Его лицо было некрасиво, в очках, с признаками большой усталости, но интеллигентно в полном смысле [этого] слова. В день приезда его угостили ужином и помогли устроить бытовую сторону жизни. Сборы энтомофауны он начал с утра следующего дня.

На берегу бухты имеется суходольный луг в 80-100 гектаров⁴ и этот луг В.В. начал обходить вдоль границы леса очень тщательно. Сачком он как-то пользовался редко. Часто осматривал листья кустов и ловко прихлопывал насекомых цианкой, с которой не расставался никогда. Их у него было три: за пазухой, в карманах пиджака.

На второй день он пожаловался, что у него плохой свет (керосин) и спросил, нельзя ли ему иметь две-три лампы. Просьбу его удовлетворили и с этого момента все вечера он проводил в разборе насекомых. Обычно до 2-3 часов ночи были освещены его окна, что значило: Гуссаковский разбирает сборы. Это он делал с изумительной тщательностью, раскладывая насекомых по группам, заранее подготавливая их [для отсылки] на определение известным специалистам. Он очень любил ходить с кем-нибудь вдвоем. Тогда он не боялся пересекать ключи и лазить по скалам. Как обрадовался В.В. приезду В.Н. Степанова (для ревизии работы заповедника). Степанов организовал двухдневный поход километров на 16-18. Гуссаковский увидел другого энтомолога, и поэтому у них оживленно шли беседы и сборы насекомых. Причем тут восторгам не было конца. С отъездом Степанова В. В. опять стал делать сборы только на суходольном лугу, поэтому я предложил ему закрепить за ним лаборанта Колю. Он с этим согласился, и с этого момента они исходили вдвоем все окрестности бухты, так что порой окна Гуссаковского светились до 3-4 ночи. Бесспорно, сборщик он был идеальный. В энтомологических коробках у него все было расставлено, как по линейке.

Через месяц мы узнали, что это у Гуссаковского за припадки эпилепсии. Они повторялись примерно два раза в неделю в самый неожиданный момент.

⁴Я посетил бухту Тачингоу в 1961 году и обнаружил там ряд видов хальцид из родов, характерных для более южных регионов. *В.А. Тряпцын.*

Однажды на собрании он провел беседу с наблюдателями [заповедника]. Сев на стул, он повалился назад. Чтобы прийти в себя, надо было минут 15-20, причем первое, что он делал, это проверял целостность морилок с цианистым калием.

У нас завязалась с Всеволодом Владимировичем тесная дружба: при встрече он улыбался, острил и декларировал стихи. Мы узнали, что он немного поэт и услышали от него ряд довольно едких поэм о сотрудниках Зоологического Института, в частности о Павловском. Он мог что-то декларировать по латыни, которую знал превосходно. Он прекрасно знал языки, особенно немецкий и французский⁵. В сумерки Гуссаковский стал приходить к нам и рассказывать о Средней Азии. Постепенно получилось так, что к концу второго месяца пребывания В.В. на берегу бухты около него по вечерам собирались все и он декларировал много стихов.

В августе у Гуссаковского участились припадки. В первых числах сентября у В.В. появилась гриппозная температура, и он попросил дать ему на пять дней разрешение сходить в поселок Валентин (15 км к северу от бухты Тачингоу) показаться врачу и купить меду. Туда с ним пошла Марфа Григорьевна. Она узнала от каких-то бабок, что там, у староверов имеется народное средство лечения энцефалита – неплодной маткой пчел. Что делала она в пос. Валентин с В.В. неизвестно, но на шестой день, пришедший оттуда наблюдатель сказал, что Гуссаковский очень болен, а Марфа Григорьевна пьет со староверами медовуху. Тотчас Остроградский и я пошли в пос. Валентин, где застали Гуссаковского с температурой в 40° и опухшим лицом. Видимо, в один из приступов он ударился переносицей о железную кровать, отчего опухла лобная часть лица. На следующий день мы организовали доставку В.В. на катер и отправились с ним в бухту Преображения, где имелась хорошая больница. Он был этому очень рад, часто улыбался и стал проектировать, как он пойдет из этой бухты пешком, делая по пути сборы насекомых. Врачи пытались сбить температуру, но безрезультатно, она упорно держалась на уровне 40°. Утром следующего дня созвали консилиум из троих врачей, но толку от этого не было. К вечеру В.В. потерял дар речи и лежал в полуобмороке, а еще через день скончался.

Похоронили Всеволода Владимировича Гуссаковского на кладбище бухты Преображения. Врачи произвели вскрытие тела. Они несколько раз допытывались, не ел ли В.В. чего-нибудь плохого, и кем ему приходится Марфа Григорьевна, не могла ли она вместе со староверами, "подсунуть" ему что-нибудь из трав?

Марфа Григорьевна демонстративно, как кликуша, покричала на похоронах, распродала кое-какие вещи и отбыла в Ленинград.

⁵ Хальцид из сем. Encyrtidae Гуссаковский определял, пользуясь испанской монографией Мерсета (Mercet, 1921).

Квартира Всеволода Владимировича опустела. Осталось 20 коробок прекрасных сборов насекомых, которые по соглашению с Главзаповедником были отправлены в Москву, откуда В.Н. Степанов разослал их специалистам по группам.

Конечно, о Всеволоде Владимировиче Гуссаковском стоит где-либо и что-либо написать.

С уважением, Г.Ф. Бромлей".

Вместо заключения

В Зоологическом институте АН СССР многие крупные энтомологи отзывались о В. В. Гуссаковском и с уважением, и с теплотой, например знаменитый специалист по ручейникам София Григорьевна Лепнева – человек очень умный, принципиальный и прямой в своих высказываниях. Только некоторые брезгливые дамы говорили о нем с отвращением из-за его неухоженности. Но как же можно быть опрятным такому одинокому, бездомному и очень больному человеку, совсем неприспособленному к жизни?

Всю свою жизнь Гуссаковский посвятил изучению насекомых, доходя здесь до фанатизма. Наука была как бы его религией, а Зоологический институт – храмом, где он полагал себя служителем. Поэзия – отдохновением души. Оказавшись волею судьбы на Дальнем Востоке, он был снова в своей родной стихии, среди прекрасной природы Тихого Океана.

Благодарности

Авторы благодарны Елизавете Яковлевне Чувахиной за ценные советы и постоянную помощь в работе.

ЛИТЕРАТУРА

Гуссаковская О.[Н.] 1997. *Персиковая коробка. Повести.* Кострома: Писательская организация. 200 с.

Гуссаковский В.В. 1926а. Новые и малоизвестные виды Pompilidae (Hymenoptera). *Русское энтомологическое обозрение*, 20(3–4): 250–259.

Гуссаковский В.В. 1926б. Список жуков (Coleoptera) окрестностей г. Костромы. *Труды Костромского научного общества по изучению местного края*, 37: 21–75.

Гуссаковский В.В. 1931. Подотряд III. Aculeata. В кн.: Холодковский Н.А. *Курс энтомологии, теоретической и прикладной. Т. 3.* М.–Л.: Сельхозгиз. С. 389–442.

Гуссаковский В.В. 1935. *Рогохвосты и пилильщики. Часть 1.* М.–Л.: изд-во АН СССР. 235 С. (Фауна СССР. Насекомые перепончатокрылые. Т. 2. Вып. 1).

Гуссаковский В.В. 1940. Заметки о палеарктических видах подсемейства Eucharitinae (Hymenoptera, Chalcidoidea). *Труды Зоологического института АН СССР*, 6(1–2): 150–170.

Гуссаковский В.В. 1947. *Пилильщики (Tenthredinoidea). Часть 2.* М.–Л.: изд-во АН СССР. 453 С. (Фауна СССР. Насекомые перепончатокрылые. Т. 2. Вып. 2).

- Нарзикулов М.Н. 1969.** Краткий очерк жизни и деятельности В.В. Гуссаковского. Известия Отделения биологических наук АН Таджикской ССР, 1(34): 111–117.
- Нарзикулов М.Н., Пулавский В., Тряпицын В.А. 1970.** Памяти В.В. Гуссаковского (1904–1948). *Энтомологическое обозрение*, 49(2): 502–507.
- Павловский Е.Н. 1958.** *Поэзия, наука, ученые*. М.–Л.: изд-во АН СССР. 154 с.
- Патрунов Ф. [Г.] 1983.** Всеволод Гуссаковский. *Памир* (Душанбе), 11: 95–96.
- Родд А.Е., Гуссаковский В.В., Антова Н.К. 1933.** *Вредители богарных культур в Средней Азии*. М.–Ташкент: Саогиз (НКЗ). 155 с.
- Тряпицын В.А. 2010.** *Судьба энтомолога (воспоминания о Евгении Михайловиче Степанове)*. М.: Товарищество научных изданий КМК. 92 с.
- Халифман И. [А.] 1978.** *Четырехкрылые корсары*. М.: Детская литература. 310 с.
- Щеголев В.Н. 1955.** Насекомые, вредители полевых и технических культур. В кн.: Щеголев В.Н. (ред.), *Словарь-справочник энтомолога*. М.–Л.: Сельхозгиз. 452 с.
- Щеголев В.Н. 1958.** Насекомые, вредители полевых и технических культур. В кн.: Щеголев В.Н. (ред.), *Словарь-справочник энтомолога. 2-е изд., переработанное и дополненное*. М.–Л.: Сельхозгиз. 632 с.
- Mercet R.G. 1921.** *Himenópteros fam. encértidos. Fauna Iberica*. Madrid, Museo Nacional de Ciencias Naturales. XI+732 p.

Приложение 1. Избранные стихотворения В.В. Гуссаковского

Такие стихи при жизни поэта печатать не брали, а если бы и напечатали, то заклеили бы его как "реакционного романтика", а это было опасно. Но мне они понятны, и я чувствую их "смущенной душой". Потому что в 1942 году в Кулябе, недалеко от афганской границы, я жил в кибитке с земляным полом, со скорпионами, при свете масляной коптилки, среди таджиков в халатах и чалмах и таджичек в парандже, собирал на базаре навоз и лепил кизяк, носил зерно молотье на древнюю мельницу, слушал вой шакалов, ездил на лошадях верхом, без седла, на овечьей шкуре, видел "волокушу" (на нее укладывают тело умершего и везут его до места погребения) и, наконец, похоронил мать, скончавшуюся от тропической малярии, по мусульманскому обычаю. В 1962 году я ходил в Кондаре, по которой поднимался Гуссаковский на свое любимое урочище Квак. И я видел над Нуреком фиолетовое небо. Прискорбно, что Всеволод Владимирович Гуссаковский не успел воспеть сказочную природу берегов Тихого Океана. *В.А. Тряпцын.*

1. Из Костромского цикла

Под липами

Снова липа цветет, ароматом своим
Наполняя весь воздух вокруг,
И брожу я по тихим аллеям густым
Где мы вместе бродили, мой друг ...

Так же яркий закат на полнеба горит,
Так же берег за Волгой далек,
Так же пчелка веселая в липах жужжит,
Но теперь я совсем одинок!

И готов я заплакать, пчелка жужжит
В кружевном лабиринте ветвей.
"Стой" – как будто сердито она говорит –
Тебе нечего плакать ей-ей.

Я тружусь целый день до вечерней зари,
для других,

И в труде мне веселья зарок.
Не пойму я ни слез, ни печалей твоих,
Только многого просишь дружок.

"Не грущу я о прежних опавших цветах,
Шепчет липа мне, ветви склонив,
Что же слышится грусть мне в знакомых
мечтах?

В твоём сердце цветок еще жив".

Плѣс

Солнце садится над Волгой блестящей,
Лес над обрывом шумит –
Там, над рекой, над волной шелестящей
Город-игрушка стоит ...

Крыши, овраги, обрывы глубокие,
Ветер качает цветы ...

В небо глядят колокольни высокие,
В небе сияют кресты ...

Образы сказок, давно улетевшие,
Вижу я вас наяву!
В голову лезут слова надоевшие –
"Что же, я сплю, иль живу?"

Спит городок над обрывистой кручей
В сумраке ласковой мглы ...
Кто ж вас разбудит рукою могучей
Сонной России углы?

2. Из ленинградского цикла (1944)

О город юности моей,
Фантазий, грез и вдохновений
Как не воспеть борьбы твоей,
Твоих кошмарных, черных дней
Нечеловеческих мучений?

Ты, смогший произвол судьбы
Преодолеть в огне сражений
И титанической борьбы! ...

Да, думал враг, что мы слабы,
Падем в борьбе кровопролитной,
И над тобой гигант гранитный
Свой меч разящий он занес ...

Но ты поднялся, как утес,
Несокрушимый, монолитный!
И сам удар ему нанес –
Такой удар, что враг не снес ...
Враг дрогнул ... Враг теряет счет
Полкам, загубленным задаром!

А старая Нева течет,
И иней золотой цветет

В дворцах твоих, граните старом,
Когда заря горит пожаром
Так славься ж, снесший все удары,
Свободы каменный оплот! ...

3. Из среднеазиатского цикла

Каратау (хивинская легенда)¹

Там, за тысячью верст железных,
Где зной сушит Аму-Дарью,
В раскаленных песках Хорезма
Я подслушал песню мою!

Эту песню ветер с Арала
Вдаль пустыни в бурю несет!
Этой песней плачут шакалы,
Совершая ночной обход ...

В диких скалах вблизи Маныча,
Над волною желтой Дарьи,
Стена крепости позабытой
Грозно высит зубья свои!

Там века назад, была битва
С грозным ханом чужой земли –
И сынов Хорезма молитвы
Победить им не помогли!

И твердыней, краю на горе,
Чужеземный хан овладел,
И река унесла в море
Согни, тысячи мертвых тел!

Сорок дев в честь празднеств победных
Грозный хан повелел убить –
Сорок дев от ужаса бледных
Под ножом перестали жить!

Истекала кровь их по скалам,
Краской алой крася гранит,
И с рыданьем пришли шакалы
Сорок юных тел хоронить

С этих пор проклятье злое

¹ Это стихотворение поражает своей мужской силой, способностью поэта к слиянию с далеким прошлым. Крепость Каратау (ныне в Каракалпакии) у стен которой я был в 1968 г., и у меня возникло ощущение чего-то грандиозного и таинственного, чего я не мог выразить. *В.А. Тряпцын*

Над тем краем ... Он дик и пуст.
И на черных скалах весною
Не растет ни трава, ни куст!

И от зноя крошатся скалы ...
И пугает странника взор
Кровавою прожилью алой
Черный камень проклятых гор!

Триста лет это место бесплодно,
И обходит его народ ...
Там лишь ночью шакал голодный
Эту песню ветру поет!

Ветер песню поет пустыне,
И над сотнями верст песка
С этой песней бродят доньяне
Ужас, боль и смерти тоска!

В вое бури в далеком Хорезме,
Где стремится Аму-Дарья,
Там, за тысячью верст железных
Эту песню подслушал я!

Караван

Садится солнце золотое
Над морем золотых песков
Верблюды длинной чередою
Бредут под тяжестью вьюков

И гордо шею выгибают
И бесконечный караван
Издалека, из южных стран,
Свой путь на север продолжает.

Все словно дремлет ..., я не знаю
Бредет ли вправку караван,
Иль сам я ввел себя в обман,
Востока сказки вспоминая? ...

Погонщик с шапкой меховою,
Его малиновый халат ...
Как в сказке ... И горит закат,
И ждешь, что минаретов ряд

Проглянет за песков волною,
И встанет сказочный Багдад
Заката пламенем объят
В красе волшебной предо мною.

И въедет в город караван ...
Шелк яркий выберет султан

Своей подруге для наряда ...
И страннику Шехерезада
Из под чадры подарит взгляд

Ведь все как сотни лет назад ...
И запад золотом объят
И звезды первые блещут
И в степь спускается прохлада ...

О Родина моя вторая

О Родина моя вторая
Золотозорный Туркестан!
Тебя, мой солнечный тюльпан,
Здесь, средь снегов полночных стран,
С тоской и болью вспоминаю.

Мы встретимся, еще я знаю,
Но красоты твоей дурман
Вернется ль? Иль ушла в туман,
Как Улугбек и Тамерлан,

Как вязь, сплетавшая Коран,
И свежесть чувств моя былая?
И я, в чертах твоих читая,
Как и во всем вокруг узнаю
Лишь лишний юности обман? ...

Мертвый Гиссар²

В долине, где цветы устали
Пить полудня иступленный зной,
Где дымка пыльной пеленой
Застлала гор лиловых дали

Гиссар, как памятник печали
Столетий, что пред новью пали,
Чернеет мрачный и больной,
И стены крошит жар дневной!

И стены, где шелка шуршали
И песни радости звучали
В садах гарема в час ночной,
Где в час тревоги боевой
Кровь бушевала, как прибой, –
Забыты ... только мак весной,
Как встарь, кровавою волной
Оденет костяки развалин!

Прохожий! – Прошлого скрижали
Разбиты, и не станут в бой ...
Внимай! Вон в небе над тобой,
Куда лишь грифы залетали,
Гремит призывный голос стали –
Аэроплан, чертя спирали,
Поет победною трубой! ...

Таджикистан

Таджикистан – ярчайшая строка
В кривых излучинах моих скитаний,
Страна, где разорвали облака
Громады голубые ледника
Полярным холодом своих сияний ...

Где жизнь проста, ярка и коротка,
Где вглубь ущелья горная река
С кипящей пеною, подобно буре,
Срывается безудержно дика ...,
Где сказочная Индия близка

Там за хребтом, где перевал с лазури
На лик Земли взирает свысока,
Где жизнь проста, остра и жестока,
Где в тугаях от лихорадки хмурых,
В зеленом лабиринте тростника,

Вдыхая смрадный запах костяка,
Кровавый ужас полосатой шкуры,
Последний тигр еще не ждет стрелка,
Где смерть возможно и легка,
Где каждый мускул напряжен и нужен,
Там над провалом, где тропа узка,
А пропасть и маняща и жутка,

Где только сумасшедший безоружен,
И в чутком сне, сжимает нож рука.
Проклятая страна! Как ты близка
Нам, удали былой потомкам поздним,
В ком капелька души еще дика,
Пусть власть машин и здесь недалека
Пусть просверлил пропеллер облака

И в горы шахты врезались как гвозди,
Еще нам вольно дышится пока;
Здесь под ярмом столетним, как века
Влачат по камню древние полозья
Трепещущие мускулы быка.

²Это была цитадель (Гиссарское Бекство).